

**«НА ГРАНИ ТЬМЫ И СВЕТА...»
(ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ А. ПРАСОЛОВА)**

С. С. Коденцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 июня 2014 г.

Аннотация: статья посвящена анализу философских традиций русской классики – А. Прасолову. Исследуется общее и различное у А. Прасолова и «тихих» лириков, определение термина «философская лирика», говорится о характере связи А. Прасолова с предшествующими ему поэтами-философами.

Ключевые слова: Алексей Прасолов, поэзия, «тихая» лирика, философская поэзия, мировоззрение, религиозность, язычество.

Abstract: the article is dedicated to A. Prasolov the follower of Russian classics philosophical traditions. In the article we explore the similarities and the differences between A. Prasolov and the “quiet” poets, explain the definition of the term “philosophical lyrics” and to talk about the connection between A. Prasolov and the foregoing poets-philosophers.

Key words: Aleksey Prasolov, poetry, «quiet» lyrics, philosophical poetry, world outlook, religious, paganism.

Алексей Тимофеевич Прасолов... Это имя сегодня занимает достойное место не только в пантеоне литературной славы Воронежа, но и в антологии русской поэзии второй половины XX века.

В. М. Акаткин в предисловии к сборнику «На грани тьмы и света» отмечал: «Поэзия была для него не только призванием, не только самоспасением, но и прорывом на новые высоты мышления, в запредельное, о чем он говорит постоянно. На крыльях стиха он надеялся взлететь туда, куда может пробиться только луч света. Преодолеть земное тяготение, оторваться от обыденных представлений и обрести духовную свободу» [1, 5].

В справочной и учебной литературе поэзию А. Прасолова традиционно относят к «тихой» лирике — явлению в советской литературе, позиционирующемуся как антипод «громкой», «эстрадной» лирики. По этому поводу В. М. Акаткин пишет: «Возникший в нашей критике термин «тихая» лирика включает в себя немногие имена: Н. Рубцов, А. Жигулин, С. Куняев, С. Дрофенко, А. Прасолов... Но, как ни странно, об этой группе часто называемых поэтов до сих пор нет больших обобщающих статей — всего лишь рецензии да упоминания в обзорах. О тенденции говорят, а она неясна» [2, 40]. Причисление А. Прасолова к данной поэтической группе достаточно условно и даже спорно.

Австрийский исследователь Алоиз Волдан так определяет место А. Прасолова в современной ему поэзии: «В то время как такие его «более громкие» и более известные современники, как Евтушенко и Вознесенский, задавали тон в поэзии 60-х и 70-

годов актуальностью и общественной направленностью своих стихов, Прасолов выступал за совершенно другую поэзию: «Только — за поэзию мысли. Ни за какую иную». Мысль, абстрагированная от фактического материала идея — вот центральная тема не только его лирики, но и всего его творчества, которое поэтому выпадает из рамок времени, приносит ему упреки в непонятном широком читательским массам «философствовании», ставит его, однако, в один ряд с великими предшественниками в области философской поэзии» [3, 567].

Об Алексее Прасолове как продолжателе философских традиций русской классики говорил и И. О. Шайтанов: «Поэт, озаглавивший свою первую книгу «День и ночь», сразу же заставляет предположить, что ему не чуждо тютчевское начало» [4, 64]. Своеобразие философской поэзии подчеркнуто В. М. Акаткиным: «В отличие от многих «тихих», Прасолов никогда не жалуется на судьбу или начальство. Его лирика возникает не из стремления к самоустройству, а из удивления перед чудом бытия, бесконечностью жизненных и душевных превращений. У него нет обид, зависти, самоунижения, он редко что критикует в нашей жизни, казалось бы, специально созданной для критики. Он прежде всего хочет постичь мир, разгадать его загадку» [5, 3].

Попробуем разобраться, что общего и различно есть у Алексея Прасолова с «тихими» поэтами. «Тихих» лириков объединяло не только безусловное следование традициям русской классической поэзии, но и общность поэтической судьбы, выразившаяся в поздней, запоздалой, а то и посмертной известности. Действительно, жизнь Прасолова оборвалась

внезапно, и пик его популярности, к сожалению, был после смерти поэта.

«Тихие» лирики, вслед за Николаем Рубцовым и Владимиром Соколовым, тяготеют в своём творчестве к тютчевско-фетовской традиции. Они воспринимают человека как часть природы и соотносят его с мирозданием, что придаёт их лирике философский характер. Поэты этого направления стремятся к лично-психологической тематике, изображению картин неброского русского пейзажа, традиционным стихотворным размерам. В стихах «тихих» лириков не встретишь ритмических сбоев, разно- стопных строк, экзотических рифм. Даже метафоры и другие яркие тропы не занимают в их поэзии главного места. Поэтому «тихость» «тихих» лириков не только в камерности, но и в негромкой, задушевной прелести обычного русского слова, простоте поэтического синтаксиса, спокойствию интонаций.

Алексея Прасолова можно отнести к тихим лирикам, но это только при поверхностном взгляде. Действительно, по форме стихи Прасолова, в отличие от новаторских попыток его «громких» современников, традиционны. В произведениях поэта преобладает столь характерный для русской лирики четырехстопный ямб, реже встречаются также хорей, дактиль и анапест. Самая популярная рифмовка в стихотворениях Прасолова *абаб*. Такая равномерная форма стихотворений — еще один повод для сравнения Прасолова с классиками русской поэзии. Но очень большая разница в том, как понимают мир Алексей Прасолов и «тихие» поэты. Чтобы понять эту разницу, необходимо обратить внимание на философскую лирику Алексея Прасолова. Изучая ее, открываешь новые грани сознания поэта.

И. С. Чернышева замечает, что в литературоведении нет точного или хотя бы общепринятого определения термина «философская лирика». В философских словарях или литературных энциклопедиях встречаются статьи о гражданской или научной поэзии, но не о философской. Если же и появляются ссылки на философскую поэзию, то они носят скорее исторический характер. Главное отличие философской поэзии от философии — наличие лирического субъекта (или лирического героя) и метафоричность языка, а от всякой другой поэзии — круг вечных тем, которые непосредственно называются в тексте: человек и космос, человек и природа, рождение и смерть, смысл бытия, бессмертие [6, 208].

Несмотря на то, что лирический субъект у Прасолова зачастую обозначен местоимением первого лица единственного числа, весь образный строй стихотворения направлен на обобщение, на типизацию отношения человека к миру именно как представителя рода человеческого.

Исследователи считают, что в основе сюжета философской лирики «лежат нравственно-философские, натурфилософские или социально-философские оппозиции. Сюжет строится на сопоставлении понятий, которые отличаются всеобщностью, общезначимостью содержания, обозначают субстанциальные начала жизни» [7, 19]. В лирике А. Прасолова ясно виден натурфилософский характер сюжетобразующих оппозиций: хаос и бездна, человек и природа, рождение и смерть и др.

А. А. Абрамов так определил круг проблем, интересующих поэта: «Сама его мысль, сами его чувства — о крупном, о мире в целом, о человеке и мире и даже о человеке и вселенной» [8, 353]. А. Прасолов размышляет об основах бытия, пытается найти ответы на вопросы, волнующие человека: в чем смысл нашего существования? Откуда мы пришли и куда уйдем?

А. А. Абрамов так определил круг проблем, интересующих поэта: «Сама его мысль, сами его чувства — о крупном, о мире в целом, о человеке и мире и даже о человеке и вселенной» [8, 353]. А. Прасолов размышляет об основах бытия, пытается найти ответы на вопросы, волнующие человека: в чем смысл нашего существования? Откуда мы пришли и куда уйдем?

Время в философской поэзии стремится к расширению до вечности. В творчестве А. Прасолова оно заявляет о себе через упоминание времени отдельного человека, через аналогии с природным временем, через мифологические и исторические реминисценции. Художественное пространство в философской поэзии также содержит тенденцию к расширению — до охвата всей земли, всего мироздания. Человек Прасолова ощущает свою душу такой же бездонной, как и небо над его головой. И здесь мы обнаруживаем еще одну важную особенность лирики Прасолова — в характерном для него сочетании крайностей, объединение совершенно разных явлений, контрастность, опору на общечеловеческие и национальные ценности, полное отсутствие оглядки на «социальный заказ», то есть свобода от так называемой «советскости». Например, в стихотворении «Пройду по памятным могилам» мы можем прочесть следующие строки:

И взгляд мой луч высокий ловит —
Свою наследственную нить:
Дай Бог вам стать у изголовья,
Чтоб для рожденья — схоронить. [9, 26]

В этом стихотворении невероятное «дай Бог» в последних ударных строчках вводит нас в мир народных и даже религиозных представлений о единстве всего сущего и бессмертии души.

А ведь рядом с такими стихами, тут же, может быть, даже в одной тетради, можно прочитать строчки, которые, на первый взгляд, содержат весь классический набор «советской» поэзии: здесь и солдаты, которые в письмах домой прежде всего интересуются, как пахнут их трактора, здоровы ли племенные кони, растут ли посаженные леса. Именно поэтому выражается уверенность:

Да, знает мать: коль битва снова грянет,
Её сыны, поднявшись во весь рост,
Не отдадут врагам на поле брани
Родных полей и вечный свет берез! [10, 5]

В философской лирике очень важно то, как позиционирует себя поэт. Верит ли он в Бога, высшие

силы или он вообще атеист. В связи с этим возникает еще одна трудность в понимании лирики Прасолова.

Многие ученые спорят, был ли Прасолов верующим человеком. Вопрос этот не простой, если принимать во внимание биографию Прасолова, а конкретно – его добровольный уход из жизни. Такая смерть атеистична: христианство не оправдывает самоубийц. Нельзя согласиться с О. Разводовой, которая утверждает: «Но если мир перевернут людьми, тогда смерть от своей руки – своего рода жертвоприношение, искупление, личная Голгофа» [11, 214]. Это высказывание, на наш взгляд, сомнительно с религиозной точки зрения, так как в нем делается попытка дать человеку право самому распоряжаться своей жизнью и тем самым как бы приравнять себя к Богу. Интересна мысль Инны Чернышевой по этому поводу: «Думается, что А. Прасолов ушел из жизни без молитвы и без надежды на божественное спасение. Но финал земного бытия он не воспринимал как конец, о чем говорят многие его стихотворения, где речь идет о бессмертии души. И в этом, как ни странно, нет противоречия: идея о продолжении жизни в загробном мире хорошо известна в мифологии дохристианского периода» [6, 111]. Но согласиться с Чернышевой мы тоже не можем. Слишком мало доказательств того, что Прасолов был язычником. А бессмертие человеческой души, безусловно, является признаком не только религии дохристианского периода, а любой религии вообще.

Смеем предположить, что Прасолов был христианином, но не обычным, а, так сказать, «скрывающимся». Чтобы понять, как это возможно, вспомним, на чем зиждется православие. Во-первых, это аскетизм, во-вторых, на стяжании Духа Святого и, в-третьих, на непрестанной мысли о спасении. Имея в виду биографию поэта, его образ жизни, смеем заключить, что ни о каком аскетизме и стяжании Духа Святого речи быть не могло. Не таков по характеру и мировосприятию был Прасолов. Бунтарь, упрямец, горячий каждой молекулой своей души человек, он не мог вести образ жизни православного мужа. Но его внутренняя и искренняя вера в Бога не могла не проявиться. Отрицая православие, Прасолов как бы защищает себя от расплаты. Он как будто бы не хочет верить в то, что после его земной жизни, полной страданий, ему придется страдать еще больше, так как он прекрасно понимал, что дорога в рай для него закрыта.

Для доказательства своей правоты приведем примеры из разных стихотворений, где у Прасолова упоминаются христианские мотивы. Но сказать, что он их просто упоминает, было бы неправильно. Не может человек, далекий от веры, написать такие искренние и светлые строки:

И, вздрогнув сам, тогда он бросил взгляд,
Неистовый и иступленный,

На серые ряды бесчувственных солдат,
Стрелявших в спины и иконы. [10, 41]

Философия Прасолова стремится – на языке экзистенциализма – проникнуть в суть явления, выявить за поверхностью человеческой жизни фундаментальные условия человеческого бытия. А. Волдан выделяет общность человека с природой, а также его зависимость от ее импульсов, символический характер этой природы, примыкающую к нему трансцендентальность непосредственной данности и аналогию между природными процессами и человеческой историей [3, 568].

В центре внимания поэта — жизнь человека в космосе и общем бытии человечества, поиск им духовных опор. Автора волнуют проблемы трагического противоречия души и тела, парадоксального сочетания радости бытия и неизбежной смерти. А. Прасолов является продолжателем традиций русской классики в постижении тайны мироздания, роли человека в нем, его сущности.

Однако перед лицом этой интеллектуальной переработки природных явлений нельзя упускать из виду постоянную и безусловную обратную связь размышлений и конкретной природы в ее русском образе, что порождает диалектику описания и толкования, непосредственного и абстрактного. Лишь из этого активного противоречия возникает поэзия Прасолова как нечто «третье», по другую сторону от двух непоэтических, «эпических» рядов (изображение природы, философские мысли): в равновесии обоих этих полюсов, которое, как высочайшее требование к собственному творчеству, находит внешний эквивалент в гармонии формы. Таким образом, художественное самовыражение Прасолова по своему существу и по необходимости есть поэзия, ибо то, о чем здесь говорится, не может быть выражено никаким иным путем, как только этой напряженной взаимосвязью эпического описания и интеллектуального толкования.

Черты философской поэзии как таковой яснее обозначаются при ее сравнении с лирикой другой направленности. Она отличается от так называемой научной поэзии, которая не претендовала на воссоздание целостной картины мира, а являлась иллюстрацией научных достижений своего времени (например, эпохи М. В. Ломоносова).

Аналогия между процессами в природе и в человеческой жизни допустима лишь ограниченно, поскольку в природе друг другу противостоят вечные закономерности, а здесь индивидуальная история. В сфере человеческого времени не существует забвения, что ведет к глубинному измерению человеческой души по сравнению с широтой вечного повтора одного и того же в природе.

Динамически открытый характер мира и человека — существенная характеристика поэтического мира Алексея Прасолова. В диалектике имманент-

ного и трансцендентного в человеке в этом мире, уже предвосхищенной живыми элементами в природе, соединяются оба уровня — описания и философского размышления — в замкнутый и сложный поэтический мир. Эта система, наряду с элементами описания и толкования, охватывает также взаимосвязи обоих уровней и представляет, таким образом, нечто «третье», которое только и можно, по мнению Прасолова, назвать поэзией.

Эта взаимосвязь особенно ярко выражается в толковании человеческого местонахождения, а также в аналогии природного времени и человеческой истории, в которой также содержатся начала синтеза соответствующих антитез. Предвосхищая протекание человеческой жизни, человек через элементы природы вовлекается в ее вечный круговорот в качестве ее высшего элемента; размышляя над собственной историей, получающей импульсы именно от природы, он познает свою несхожесть с ней и невозможность сведения человека к природе, чье вечное повторение одного и того же можно рассматривать лишь в крайней аналогии с индивидуально прожитой жизнью.

А. Прасолов в письме к И. Ростовцевой писал: «Человек проживает в течение каждого дня законченную маленькую жизнь: утром рождается, в полдень созревает, вечером становится мудрым, ночью уходит в небытие — и все заново» [10, 355].

В душе перегорающая ночь
Приносит неразгаданное утро.
И ты иди. И не ищи в любви
Незыблемых гарантий и традиций.
Она взывает: верь ей и живи,
Чтоб с каждым утром заново родиться [10, 355].

Для поэзии Прасолова характерна двухслойность переживания, в которой к описательному уровню, предполагающему тематическое подразделение, примыкает уровень обобщенного толкования.

О связи А. Прасолова с предшествующими ему поэтами-философами писал и Ю. Кузнецов: «Читая стихи Прасолова, вы невольно ощущаете, что он идет рядом с кем-то другим и смотрит на того, и в этом другом без труда узнаете Заболоцкого, но это не все, также вы догадываетесь, что и Заболоцкий идет с кем-то рядом и смотрит на того, и тот, на которого он смотрит, — Тютчев. Тютчев ни на кого не глядит. Он велик и довлеет себе. Так идут эти трое. Но тут, конечно, не хватает четвертого — Баратынского.

Этот идет где-то особняком, и если Прасолов и Заболоцкий зависят от него, а это так, то, значит, им порой приходится озираться. Все они идут строем, развернутым во времени и называемом условно философской лирикой» [12, 132].

Таким образом, можно говорить о том, что свою идейно-поэтическую стратегию А. Прасолов вырабатывает, опираясь на творчество Е. Баратынского, Ф. Тютчева, Н. Заболоцкого и других авторов.

Поэзия А. Т. Прасолова представляет собой уникальное и недостаточно изученное явление в литературе второй половины XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаткин В. М. В поисках утраченного солнца / В. М. Акаткин // Прасолов А. Т. На грани тьмы и света : [сб. стихов] / А. Т. Прасолов ; [сост. Р. В. Андреева-Прасолова — Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. — С. 3–14.
2. Акаткин В. М. Слово и время в пространстве поэзии / В. М. Акаткин. — Воронеж : ВГУ, 2003. — 288 с.
3. Волдан А. Алексей Прасолов — философская поэзия из провинции / А. Волдан // Прасолов А. Т. Я встретил ночь твою: роман в письмах. — М. : 2003. — С. 559–574.
4. Шайтанов И. Замысел судьбы / И. Шайтанов // Литературное обозрение. — 1979. — № 7. — С. 64.
5. Акаткин В. М. Дорога к небу / В. М. Акаткин // Воронежский курьер. — 1990. — 15 окт.
6. Чернышева И. С. Мироздание Алексея Прасолова: Научное издание / И. С. Чернышева. — Воронеж : 2007. — 208 с.
7. Спивак Р. С. Русская философская лирика. 1910-е годы. И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: учеб. Пособие / Р. С. Спивак. — М. : 2003. — 408 с.
8. Абрамов А. М. Земля и небо Алексея Прасолова / А. М. Абрамов // Прасолов А. Стихотворения. Поэмы. Повесть. Статьи. — Воронеж, 1984. — С. 353–374.
9. Прасолов А. Т. Избранное. Стихотворения. Поэмы. Проза. Дневники / А. Прасолов; — Воронеж : Литературно-художественное издание, 2010. — 432 с.
10. Прасолов А. Т. Я встретил ночь твою: роман в письмах / Сост., предисловие и примечания И. И. Ростовцевой. — М. : 2003. — 591 с.
11. Разводова О. Строгая душа / О. Разводова // Подъем. — 1999. — № 1. — С. 203–214.
12. Кузнецов Ю. Подвиг поэта / Ю. Кузнецов // Подъем. — 1986. — № 10. — С. 132–134.

*Воронежский государственный университет
Коденцева С. С., аспирант кафедры русской литературы
XX–XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: sofya.kodentseva@mail.ru*

*Voronezh State University
Kodentseva S. S., Post-graduate Student of the Russian
Literature of the XX–XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore
Department
E-mail: sofya.kodentseva@mail.ru*